

«МОЙ ОПТИМИЗМ – СДЕРЖАННЫЙ»: О ФИЛОСОФИИ, ОБРАЗОВАНИИ И ЧЕЛОВЕКЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В.В. Миронов

Аннотация. В основу статьи легла беседа заместителя главного редактора журнала «Концепт», заведующей кафедрой философии МГИМО МИД России, профессора М.В. Силантьевой с деканом философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондентом РАН, доктором философских наук В.В. Мироновым.

Проблемы, задающие вектор инноваций в области образования, связаны сегодня не только с глобализацией и её многочисленными следствиями, включая унификацию, цифровизацию и общее снижение престижа образования в массовой культуре, включая попытки дискредитации гумбольдтовской модели университета – самой инновационной на сегодняшний день. Не меньшее значение для российского образования имеют его «внутренние» проблемы. В их числе – разрушение мотивированности студентов как один из результатов ЕГЭ, последовательное снижение доли гуманитарной составляющей в аудиторной нагрузке, а также перегруженность учебных планов в силу отсутствия системы индивидуальных образовательных треков.

Поиск путей и средств решения этих проблем требует, помимо прочего, аналитического рассмотрения места и роли философии в современной системе российской науки и образования. Что, в свою очередь, предполагает уточнение возможностей и границ философского знания (и знания как такового) применительно к запросам современного общества. В этой связи уместно обратиться к идее И. Канта о делении философии на два основных типа: «школярскую философию» и философию в широком смысле слова. Первая предполагает системное приобщение человека к теоретической культуре на уровне довузовской подготовки (как это делается в ряде стран Европы, например в Германии и Франции), предполагает учёт «проблемы перевода» и формирование представлений о связи национальной и мировой науки. Вторая «разновидность» философии может быть описана как вневременное смысловое пространство, «царство смысла». Его онтологизация в своё время обеспечила глубинную связь философии и науки, утвердив тезис о возможном существовании закона, пронизывающего природу и позволяющего с помощью умозрения выявлять неизменное в изменчивом. Соответственно для изучения второго типа философии «школярство» не годится.

Все это становится особенно важным в практике преподавания философии в системе высшего образования. Здесь необходимо учитывать, что философия – двойственная форма сознания, которая опирается как на рационально-теоретические компоненты – вектор, направленный к науке, так и на ценностно-эмоциональные, связанные с иными способами постижения бытия, кроме научного – искусство, религия и др. В этом смысле философия является центральной дисциплиной, влияю-

щей на формирование мировоззрения человека. Поэтому она необходимо должна присутствовать в системе высшего образования, если мы эту задачу ставим, и её место не могут заполнить какие-то иные дисциплины.

Ключевые слова: Философия, культура, образование, наука, университет, глобализация, цифровизация, управление.

Вопрос о месте философии в системе современного знания и образования, нередко связан с утверждением, что философия – самая бесполезная наука, как однажды обозначили мое интервью в одном информационном источнике¹. Для журналистов это простительно, нужен броский заголовок. А я там просто отметил тот факт, что в жизни людей, вообще-то говоря, много кажущихся бесполезностей, но без которых человек нормально не сможет жить: если мы уберём из нашей жизни всё бесполезное, то окажется, что и жить-то не очень нужно. При этом часто под философией могут понимать что угодно. Тренер футбольной команды может говорить о «философии игры» команды «Спартак», юрист о «философии преступника».

Более того, часто в затянувшейся беседе может прозвучать уничижительная фраза типа того, что мол «хватить философствовать, пора делом заниматься». В силу того, что рассуждения философа не всем понятны, всегда проще обозначить данный род мыслительной деятельности как обыкновенную глупость, вместо того, чтобы вдуматься в них. Кстати, не надо думать, что это свойство только современного сознания. Ещё Аристофан в своей комедии «Облака» уничижительно характеризует Сократа, который, по его мнению, ищет ответы на вопросы типа «пищит комар гортанью или задницей», «на сколько стоп блошиных блохи прыгают» [Аристофан, 1970: 355-356]. Я, кстати, записываю такого рода высказывания. Они у меня в смартфоне

хранятся, и я их иногда зачитываю студентам. Приведу несколько примеров. Косметическая фирма, рекламируя свою деятельность, пишет о своей философии по отношению к качеству кожи, что также «распространяется и в отношении волос». Другая говорит, что её девизом выступает философия «толчка в спину сотрудников», что помогает преодолевать кризисы. И эти примеры можно продолжать до бесконечности.

В каком-то смысле такие обыденные представления о философии присутствуют и в системе образования, правда, здесь на это ещё накладывается и специфика различных уровней этого преподавания, которые могут значительно отличаться. В этом контексте уместно вспомнить Канта, который говорил о двух возможных уровнях преподавания философии. Первый он обозначает как «школярская» философия. Это некоторая совокупность наиболее общих представлений о философии, философах, проблемах, которые стояли в её истории и с которыми должен ознакомиться каждый культурный и образованный человек в рамках своего самовоспитания, так же, как он знакомится в школе с религией, искусством, правом, не становясь при этом обязательно верующим, художником или юристом. Именно по этому принципу, кстати говоря, была построена немецкая система гимназического образования, и таким же образом выстраивалась система в российских гимназиях. В некоторых землях Германии до сих пор философия преподаётся в старших классах, причём

¹ Хорькова М. Философия – бесполезная наука // Татьяна день. 12.04.2010. URL: <http://www.taday.ru/text/376803.html> (дата обращения 30.04.2019).

достаточно долго, параллельно с этикой и религией (по выбору учеников).

Каков смысл преподавания «школярской философии», спросите вы? Сами по себе эти знания не учат людей философии, а лишь учат тому, что понимали под философией другие люди, но это знание приобщает человека к философской культуре. Точно также школьника приобщают к рисованию или к математике: ученик усваивает необходимые для формирования мышления сведения, хотя вовсе может не стать математиком или художником. На мой взгляд, огромная ошибка, что такого курса, в виде, например, «Введения в философию» нет в современной средней школе, особенно в ситуации, когда ученики сегодня могут свободно и в огромном количестве поглощать самую разнообразную информацию о мире и требуется вырабатывать навыки её отбора. Могут возразить: но есть же обществознание. Мне кажется, что в настоящем виде, это достаточно вымученный и искусственный предмет, представляющий собой просто набор различных дисциплин. В нём как раз отсутствует связующий философский стержень не в качестве той или иной главы учебника, а в качестве именного смыслового стержня. Именно в этом направлении можно было бы совершенствовать преподавание данного предмета в школе.

Кроме этого, «школярского» понимание философии, говорит далее Кант, есть ещё философия в её всемирно-историческом значении, которая является особой наукой о последних целях человеческого разума, придающая ценность всем другим видам знания и выявляя их значение для человека. При этом Кант не даёт чёткого определения философии. Почему? Ответ известен: потому что для философии это невозможно или, точнее, бессмысленно. Как усадить в одну лодку, условно говоря, Витгенштейна и Сартра, Ницше и Лейбница? Хотя все они философы. Философия в этом смысле выступает как смысловое вневременное пространство, в котором все равны и мыслители разных времён продолжают вести диалог. В этом состоит особенность истории фи-

лософии, в отличие от истории иных дисциплин, где последующая ступень развивающегося знания как бы «поглощает» или отбрасывает те истины, которые были открыты ранее. История философии это не «то, что перешло и исчезло», – пишет Гегель [Гегель, 1993: 99-100].

Такой вневременной диалог увеличивает массив интерпретации и конструирования новых идей. В каком-то смысле, я скажу крамольную вещь, хотя она закономерна: иногда лучше допустить искажения, которые позволяют прочитать мысль по-новому, чем просто её лишь «повторять в точности», не развивая и догматически заучивая мысли других. Я, конечно, нарочно утрирую, и мы не должны призывать к искажениям, но важно осознавать, что философия является своеобразной «интерпретацией интерпретаций» (П. Рикёр), то есть, всё время творит новые смыслы.

Указанные два уровня философии принципиально отличны друг от друга и по целям, и по задачам, и по способам освоения. А вот этого у нас не очень понимают. В результате студентам не философских факультетов, для которых философия является внешним предметом, пытаются преподавать философию в целом, только значительно сократив на это время, а значит, неизбежно упростив и исказив. А здесь её можно было бы давать совсем по-иному. Философия – особая дисциплина, её вовсе не обязательно рассматривать как застывшую систему и вообще, как только некую систематику. Тут важнее задача пробудить самостоятельный интерес к философии и тогда обучающийся сам будет это осваивать. Поэтому, если в вузе работает хороший эстетик или этик, историк философии или логик, то они смогут вывести на все философские проблемы через свои предметы, лишь бы это было сделано профессионально и талантливо. Роль преподавателя философии здесь чрезвычайно важна, и философия является очень личностной дисциплиной.

Ещё одна особенность философии, имеющая огромное значение для образования, состоит в том, что философия в

своей основе отличается от конкретных наук. Вектор научного поиска всегда направлен к истине. Отсюда – своеобразный научный экстремизм: учёный может изучать таракана, а может и звёздные галактики. В обоих случаях он будет стремиться к полному познанию. Поэтому в науке последняя по времени научная теория, как правило, более адекватно отражает исследуемый объект. Условно говоря, Эйнштейн описывает мир более адекватно, чем Ньютон. В философии ситуация прямо противоположная. В этом философия близка к искусству, так как в ней могут создаваться и уникальные творения. Например, в живописи мы вряд ли можем утверждать, что картины Глазунова, например, хуже или лучше картин Рембрандта. То есть утверждать, конечно, можно, но что в данном случае будет критерием? Качество краски? Величина картины или её вес? Так бывает и в философии, когда произведение, созданное 2500 лет назад, может и сегодня доставлять нам эстетическое удовольствие, наряду с глубиной неустаревающих размышлений.

Результаты научного познания нацелены на точность и достигают её, но условием этого является опредмечивание действительного мира. Если я конструирую инвалидную коляску, то могу сказать, что человек есть совокупность рычагов. Более того, если стоит задача построить хорошую инвалидную коляску, то лучше не философствовать, а именно так и понимать. Однако мы прекрасно осознаём, что сущность человека не сводима к совокупности рычагов. Таким образом, учёный всегда надевает предметные очки. Биолог надевает биологические очки, физик физические, социолог, например, смотрит на человека как на часть социальной системы и ему безразлично, что вы красивы или прекрасно поёте. Хотя для индивида, который прекрасно поёт и красив, это может быть принципиально. Так действует каждая наука. И здесь есть свои плюсы и минусы.

Говорят, самая точная наука математика. Это действительно так, но это как

раз за счёт наиболее предельного огрубления, а значит и упрощения бытия до количественных отношений. Если их не удастся выявить, то математика работать не будет. Например, можем ли мы выявить чисто количественные отношения в таких человеческих проявлениях, как дружба или любовь? Можно попытаться, но вряд ли эти отношения будут близки к сущности их понимания. Сходным образом действует любая наука. При этом, когда человек находится внутри какой-либо науки, ему нередко кажется, что научным образом можно объяснить всё. И тогда учёный может быть склонен переносить хорошо известные ему закономерности на объяснения сущности явлений, в которых данные закономерности не являются определяющими.

Учёный здесь скорее проявляет себя как увлечённый собственным предметом и желанием объяснить всё и до конца. Честно говоря, и обвинять за это не стоит, а вот понимать, что такая позиция ограничена, необходимо. Иногда эта грань очень тонкая. Когда Пуанкаре говорит о том, что в науке есть конвенции, мы вряд ли сможем это оспорить, но когда он говорит о том, что в науке существуют только конвенции, это выходит за рамки науки как таковой, ибо речь ставится об истине и возможности её достижения. Например, Дарвин объясняет развитие животного мира борьбой за существование, а социал-дарвинизм переносит это на объяснение развития общества; Фрейд объясняет взаимоотношения между людьми сексуальными отношениями, а неофрейдизм ошибочно переносит это на объяснение культуры. И вот здесь философская позиция становится чрезвычайно важной.

Именно за счёт своей устремлённости к полноте философ может найти объяснения как сложным, так и простым вещам. И в этом смысле он как никто должен уметь объяснить сложные вещи относительно простым языком, ибо он объясняет другим людям и не только своим коллегам философам. У нас бытует мнение, что чем непонятнее человек излагает своим мысли, тем в большей

степени он философ. Я часто говорю, что идеалом такой позиции будет непонимание самого себя перед зеркалом, но это уже из области медицины или психиатрии. На самом деле, как не покажется это странным, гораздо легче говорить сложно о простом и, напротив, очень трудно говорить просто о сложных проблемах.

Философия как особое смысловое пространство конструируется на основании самых разнообразных форм постижения бытия. Отсюда – связь философии с другими формами сознания, такими, как наука, религия и искусство; и в то же время несводимость философии к ним. Конечно, на четырёх кантовских вопросах смысловые границы философии не замыкаются. Здесь тоже возможны изменения, ибо человек всё время задаёт вопросы бытию, и мы не знаем, как это будет описываться, например, через пятьдесят или сто лет. Но главное останется неизменным: это Человек. Мы как индивидуальные существа – пылинки в Космосе, но мы обладаем Разумом и способны осмысливать и своё собственное бытие, и бытие как таковое. В этом смысле, мы доводим своё «Я» до уровня бытия, ровны с ним, ибо можем его мыслить.

Это и есть проявление метафизической сущности философского мышления, которое направлено не только на познание того, что есть, но и на предельные основания бытия, которые могут описываться только как метафизические конструкции разума. В этом философия пересекается с теологией в аристотелевском смысле, которая во времена античности была частью философии. У Аристотеля, как известно, термина «метафизика» не было (он возник позже у неоплатоников), и эту, в будущем метафизическую сферу философского исследования, он задолго до возникновения христианства обозначал как «протофилософия» (*prote philosophia*), или «первая философия»; или, что для нас примечательно, теология. Иначе говоря, эта сфера исследования всего того, что выходит за рамки природного бытия, то есть несозерцае-

мые сущности, которые мы можем постигать лишь умом, размышляя о них. Аристотелевская теология – синоним «первой философии», в отличие от более позднего или современного понимания философии, хотя по существу речь идёт о божественной сущности, которая недоступна прямому созерцанию [Аристотель, 2016].

Тут, кстати, существует любопытная коллизия, сталкивающая разные формы знания, а именно теологию, которая ныне стала входить в номенклатуру научных специальностей, и религиоведение. Теология, как бы не пытались сейчас говорить о возможности её надконфессионального преподавания, реализуется как конфессиональная дисциплина. Понятие «надконфессиональности» здесь просто фиксирует тот факт, что имеется много конфессий и в рамках преподавания теологии об этом можно говорить. Но при этом всегда будет доминировать догматика той или иной теологической системы и вряд ли представители иудаизма когда-нибудь признают православную троицу. Религиоведение – междисциплинарная дисциплина, в основе которой лежит сравнительное исследование религии и выявляются общие вопросы возникновения и функционирования религии и религиозных институтов, психологические аспекты верования. Поэтому здесь тесно сотрудничают психологи, социологи, историки, антропологи, искусствоведы и т.д.

Но в то же время предметом религиоведения выступает религия и проблема веры, и мне кажется, что наметившиеся ныне тенденции «оторвать» религиоведение от философии являются ошибочными. Тактические мотивы здесь понятны. Объявить себя позитивной наукой, которой не придётся решать вопросы мировоззренческого плана и тем самым избиваться от критики со стороны теологии и философии, требующими метафизического осмысления проблемы веры. Но сам предмет исследования, а именно вера, являются изначально вопросом метафизическим, то есть предельным, значит, эти метафизические вопросы

неизбежно придётся затрагивать. Необходимо будет объяснять, что такое религия, обозначать проблему истины, сравнивать религию с не-религией, изучать проблему разных религий.

Соответственно, мы неизбежно вернёмся к данным вопросам, то есть к философии. А если не вернёмся, то будем некритически воспроизводить те или иные стереотипы, которые будут влиять на «чистые» позитивные исследования не лучшим образом. В результате возникает своеобразная предметная неразбериха. Религиоведение (как позитивная дисциплина, по аналогии с математикой, физикой, биологией и т.п.) с лёгкостью встраивается в учебные планы по теологии, чему уже есть примеры. Однако теология не может быть внеконфессиональной (как иногда пытаются сегодня её строить) и она исследует религию изнутри её самой, изнутри конкретной религии, что, конечно, отличается от философского подхода.

С другой стороны, маячит новое образование в виде некоего «конфессионального религиоведения», то есть модели трансформации науки, базирующейся на сравнении разных религий, к её конструированию на базе какой-то одной религии. Подобное, частично, произошло с политологией, когда она оторвалась от философии как самостоятельная дисциплина. Это, безусловно, нормальное явление, но и возможные потери здесь налицо. Ибо теряется фундаментальное философское основание и может реализоваться тенденция превращения её в прикладную, то есть в обслуживающую запросы власти политтехнологию.

Как при этом сохранить научную ориентацию на истину, сущность которой от власти не зависит, представляется серьёзной проблемой. Кстати, во многом тоже самое произошло и с социологией, особенно в нашей стране, когда она вместо социальной теории стала очень часто трактоваться, прежде всего, как прикладная дисциплина. Необходимо подчер-

кнуть, что, как только та или иная общественная наука принимает прикладной характер, она – вектор направленности к истине, будь то религиоведение, политология или социология. И тогда появляются менеджеры, которым достаточно безразлично, на кого они работают, и они могут сегодня обосновывать одно, а завтра другое. Боюсь, что и религиоведение, оторванное от философского фундамента, превратится в служанку власти политики или религии.

Наверное, я высказываю спорные мысли, но они вызваны моими наблюдениями и размышлениями, и я готов спорить на данную тему. Такова судьба философии, от неё все время кто-то отпочковывается. Вспомним известный пример В. Виндельбанда о том, что философия уподобилась Королю Лиру, всё раздавшему детям и оказавшемуся как нищий на улице [Виндельбанд, 1904: 16]². Те, кто его обычно приводят, утверждают, что от философии когда-то не останется ничего. Но можно предложить и иную интерпретацию. Прежде всего, Лир остался в результате данной операции легитимным королём и это позволило ему узнать, какая из дочерей его действительно любит, то есть познать истинное состояние дел, вместо лицемерных признаний. Так и философия очищается от того, что по мере развития научного знания приобретает свой предмет, становится «предметной» наукой.

Таким образом, философия как бы «очищает» собственное понимание от «примесей» конкретного знания, которое перемещается в предмет той или иной науки. Такое самоочищение позволяет ей оставаться в лоне метафизического понимания бытия, вовсе не противопоставляя себя наукам, но определяя разницу в подходах. В таком самоочищении нет ничего плохого. Это естественный процесс становления нашего познания мира. Физик времён Аристотеля, который, по сути, был философом, а физик периода Нового времени – это, как правило, по-

² «Философия подобна королю Лиру, который раздал своим детям всё своё имущество и которого вслед за тем, как нищего, выбросили на улицу»

клонник эмпирических методов обоснования физического знания. Но в любой науке, поскольку она движется вперед, всегда остаются лакуны непознанного, которые невозможно объяснить сегодня, а может быть вообще только с позиции данной науки. И тогда здесь необходимым образом оказывается задействованной философия, причём опять же прежде всего в её метафизическом варианте.

Как-то директор Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга МГУ академик А.М. Черепашук делал на философском факультете доклад по чёрным дырам. Завялась очень интересная дискуссия, философы начали задавать вопросы и, в конце концов, он ответил, что на определённом пределе возникает ситуация, где мы не можем ответить на предельные вопросы с позиции современной астрономии, но это так «если вы в это верите» (имея в виду, конечно, не религиозную веру, веру в смысле believe). Он также отмечал, что на данный момент самая большая проблема Вселенной – её молчание, поскольку с естественнонаучной точки зрения такое молчание необъяснимо. Ведь если допустить существование цивилизаций старше нас на миллионы, миллиарды лет, то очевидно, что они должны были найти способы контактировать с себе подобными.

Так возникают проблемы теологического и метафизического характера. Не случайно среди физиков большое число верующих. Это связано с тем, что они работают на предельном уровне исследования, на котором, по сути, занимаются метафизикой, которая, как мы показали, сопряжена и с теологическими проблемами. Предположу, что наименьшее число верующих – в социологии, где нужен максимум «исчислимой» конкретики, и места для предельных вопросов просто не остаётся.

Кстати, для гуманитариев вообще характерен некий интеллектуальный снобизм, в том числе и для философов, которые вроде бы должны понимать, что философия не является чисто гуманитарной дисциплиной. Им кажется, что толь-

ко они, занимаясь гуманитарной сферой профессионально, могут быть творцами гуманитарных ценностей. Парадокс, но если бы провести социологические исследования, например, в МГУ, на тему, кто пишет стихи, то выяснится, что естественники творят в гуманитарной сфере не меньше, и среди них достаточно много поэтов и художников. Любопытно, что даже так называемую авторскую песню представляли в истории нашей страны не представители гуманитарных факультетов, а физики, а это ведь ещё было сопряжено и с критической гражданской позицией. Здесь, конечно, проявились и особенности развития нашей страны, но есть и внутреннее объяснение для этого, которое, конечно, не может являться окончательным. Как мне кажется, для учёного (того же физика), который работает в лаборатории, отвлечением от этого научного творческого труда (который содержит и рутинные процедуры) является перемещение интересов в нечто противоположное, в некое чистое творчество, результатом которого и выступают стихи или картины. Для гуманитария, если рассуждать по аналогии, это сложнее, так как тогда его зоной отдыха, напротив, должна была бы стать физическая или биологическая лаборатория. Такое, кстати, бывает, но гораздо реже.

Отдельная важная тема в контексте философского знания и его важности для современной науки и образования – культурная заданность. Не секрет: понятия выстраиваются в русле культурной жизни людей, а не просто «абстрагируют действительные отношения». Приведу несколько примеров. Нередко я говорю студентам, что при использовании понятия «дом бытия» Хайдеггера необходимо понимать, что речь не о русской избушке: понимание жилища у немца совершенно иное, как и отношение ко многим другим реалиям. Немецкий дом – это замкнутое пространство, сильно ограниченное личностью, в некотором смысле это внутриличностное пространство. В русском же языке и нашей культуре в целом понятие дома исторически очень сильно модифи-

цировалось: изба, избышка, дом – это нечто более открытое, чем у немцев.

Об этом много писал Г.Д. Гачев, говоря о втянутости представителя немецкой культуры в пространство. Поэтому для немца понятие *raum* (пространство) – связующее, ограничивающее; немец может сказать: «Я хочу убрать это пространство». Теоретически по-русски так сказать тоже можно. Однако никто так не скажет. Потому что для русской культуры пространство – это расстояние как растяжение, нечто прямо противоположное немецкому *raum*.

Или прекрасный пример. Для немецкого сознания лес – это прежде всего союзник и иногда даже говорят, что немцы «вышли из леса», или «люди леса». Лес, утверждал один из братьев Гримм, по-моему, Якоб, является центральным элементом немецкой культуры и с этим, в частности, связан культ немецкого романтизма. И сегодня в Германии, как это не покажется странным, главная часть природы – это лес, он органически входит в структуру городов, включая столичные, а под шоссевыми дорогами обязательно прокладывают тоннели для перехода по ним диких животных.

А вот для русского человека характерно противоречивое восприятие леса. С одной стороны, лес, отмечал В.О. Ключевский, был для русского человека надёжным убежищем и средством поставки еды и материала для изготовления домов и утвари. Но, одновременно, он для восприятия русского человека был и враждебным. Его было слишком много и его нельзя было полностью окультурить. Отсюда негативно-небрежное отношение к лесу. Его можно было и сжигать, и вырубать. Лес был заполнен различными страхами, в нём можно было заблудиться и т. д. [Ключевский, 1918: 72]³.

Различия культур фиксируются в их языках. Об этом пишет А.Ф. Лосев в книге «Эллинистически-римская эстетика», рассуждая о латинском языке древних римлян, с которым было связано «римское чувство красоты». Не помню уже, кто-то из философов верно отметил, что физика времен Декарта и Ньютона могла быть сформулирована только на латыни. Также как немецкий философский язык возникает позже, вслед за французским, становясь центральным языком философии.

Таким образом, роль культуры – колоссальная и определяющая. Сегодня нас постоянно призывают повысить цитируемость, увеличить количество публикаций на английском языке, на что я отвечаю, что в таком случае нужно просто запретить русский язык и через пятнадцать лет у вас цитируемость повысится, только Пушкина вы будете читать исключительно на английском... Нет сомнений, что у всех нас есть общие проблемы, однако культуры у нас разные, а это означает разное видение и описание мира. Поэтому так важен диалог между культурами. Здесь тоже есть своя особенность. На уровне высокой культуры с коммуникацией всё нормально, мы можем прекрасно слушать итальянскую оперу, не зная итальянского языка. Наиболее сильные смысловые столкновения происходят на уровне низкой обыденной культуры. Например, житель США очень часто за обедом кусок мяса сначала нарезает, а потом ест его вилкой, отложив нож, тогда как в Европе принято отрезать каждый кусочек и с помощью вилки отправлять в рот. Уже по этим деталям иногда мы можем отличать принадлежность человека к той или иной культуре. Я во времена ГДР оказался в такой ситуации. Плаваем в озере, полно

³ «Этим можно объяснить недружелюбное или небрежное отношение русского человека к лесу: он никогда не любил своего леса. Безотчётная робость овладевала им, когда он вступал под его сумрачную сень. Сонная, «дремучая» тишина леса пугала его; в глухом, беззвучном шуме его вековых вершин чувствовалось что-то зловещее; ежеминутное ожидание неожиданной, непредвидимой опасности напрягало нервы, будоражило воображение. И древнерусский человек населил лес всевозможными страхами. Лес – это темное царство лешего одноглазого, злого духа – озорника, который любит дурачиться над путником, забредшим в его владения».

людей и вдруг вмиг всё озеро освобождается: обед! В 12 часов все немцы вышли из воды и пошли обедать.

А для русского человека обед может и не наступить, а может случиться вечером, например. И стол мы накрываем в зависимости не от того, сколько времени, а от того, когда к нам гости приходят, хоть в 12 ночи. Подобных примеров масса. В тоже время культуры обмениваются смыслами и даже словами как таковыми, интегрируя их, иногда очень необычно, в другую культуру. Так славянские слова закрепляются в немецком языке, например, в названии городов Дрезден или Лейпциг. А, казалось бы, уж такое русское или украинское слово как ярмарка, происходит от немецкого слова «Jahrmarkt». Кроме того, в языке присутствуют калькированные образования, когда слово создано в данной культуре, но по образцу той культуры, которая в данное время была популярна. Например, слова типа «снегопад», «водораздел» или «здоровохранение», к которым мы так привыкли [Штарк, 1996: 199, 200]. Есть и забавные истории. Например, согласно одной из филологических гипотез, немцы, приезжавшие в Россию и не знавшие русского языка, старались расположить местное население – протягивали руку и говорили: «Ich liebe sie», откуда произошло такое русское слово «лебезить».

Такого рода проникновение языков и культур пронизывает их и является условием диалога, и любое явление опосредовано конкретной культурой, а значит выражено в языке. В этом смысле прав К. Маркс, который в одной из своих

ранних работ отмечал, что философия есть живая душа культуры, самосознание культуры, её квинтэссенция [Маркс, 1955: 105]⁴. Гегель мог появиться только в Германии, а Соловьев – только в России. Есть позиция, утверждающая, что национальной философии не существует. Я думаю, что это глубоко не верно, именно по тому, что она есть душа культуры.

Продолжая тему разницы культур, необходимо коснуться вопроса перевода. Для представителей естественных наук перевод – это передача информации, поэтому смешно непрерывно переводить одну и ту же работу Ньютона. А в философии мы можем встретиться с переводами одного и того же произведения по нескольку раз. То же и с художественной литературой. Казалось бы, давайте один раз переведем Шекспира, вырубим его тексты в граните навсегда. Однако оказывается, что тексты всегда связаны с современным прочтением. Это прочтение, в свою очередь, зависит от того, что «переводящая» культура в принципе может воспринять, и что она, даже воспринимая, может предъявить читающей публике, а что – нет, в том числе по обстоятельствам, лежащим вне самого произведения.

В.В. Биbihин как-то заметил, что для выражения своих мыслей Хайдеггеру мог бы подойти русский язык, так как в нём есть то, чего нет даже в немецком, может быть самым, по признанию многих, философском языке [Биbihин, 1991]⁵. Это очень глубокая мысль: она отражает ситуацию, когда философу может не хватать возможностей языкового выраже-

⁴ Маркс пишет: «Так как всякая истинная философия есть духовная квинтэссенция своего времени, то с необходимостью наступает такое время, когда философия не только внутренне, по своему содержанию, но и внешне, по своему проявлению, вступает в соприкосновение и во взаимодействие с действительным миром своего времени. Философия перестаёт тогда быть определённой системой по отношению к другим определённым системам, она становится философией вообще по отношению к миру, становится философией современного мира. Внешние проявления, свидетельствующие о том, что философия приобрела такое значение, что она представляет собой живую душу культуры, что философия стала мирской, а мир философским, – во все времена были одни и те же» (Передовица № 179 «Kölnische Zeitung»).

⁵ «...русский язык, так сказать, не хуже немецкого для мысли. Иногда в русском появляется даже то, чего Хайдеггеру в его немецком как будто бы не хватает. Например, у Хайдеггера пустота, как сказали бы на философском жаргоне, *продуктивна* в качестве вмещающей открытости; эта неожиданная сторона пустоты особенно ясно показана в поздней работе «Искусство и пространство». Русский язык подсказывает: пустота – это нечто отпущенное на простор и потому способное в себя впускать.

ния собственных мыслей и он начинает создавать новые языковые конструкции. После одной совместной с немецкими философами конференции по Хайдеггеру на нашем факультете, они сделали, конечно, в большей степени ироничный вывод, но который имеет основания, о том, что пока Хайдеггер не переведён на немецкий язык, лучше воздержаться переводить его на русский. Безусловно, здесь есть тонкая грань: насколько переводчик привносит своё собственное толкование или же он даже искажает смысл.

Ю.М. Лотману принадлежит изумительная формулировка, очень короткая и емкая: «Язык – это код плюс его история» [Лотман, 1992: 13]. Другими словами, любой живой язык содержит историю, а значит, возможность интерпретации. Поэтому, когда мы переводим текст, мы расшифровываем эти самые коды культуры. Это сложнейшая работа, связанная с поисками смыслов в своём языке, которые смогут передать смысл другого. Это не всегда удается. М.М. Бахтин отмечал, что мы можем всегда перевести слова одного языка на другой язык, но мы не можем перевести всего текста как целостной языковой системы [Бахтин, 1986: 300-301]. Абсолютного совпадения языков достичь невозможно, также как невозможно отождествить жизненные пространства отдельных людей или их общественных совокупностей.

Любое реальное понимание смыслов текста есть особое взаимодействие в рамках диалога, субъектами которого могут выступать как отдельные личности, так и целые культуры. Поэтому творческая работа переводчика философских текстов – это не «простая» передача информации, но прежде всего смыслообразующая деятельность, обеспечивающая диалог культур. В философии концентрация этого смыслообразования является наиболее высокой. Вот пример из наших реалий. Существует, например, два перевода скандально известной речи М. Хайдеггера при вступлении его в должность ректора Фрайбургского университета в 1933 году. Перевод был осуществлен почти одновременно прекрасными перевод-

чиками и философами В.В. Библихиным и А.В. Михайловым. Однако эти переводы несли читателю отличающийся смысл, который по-разному передавал близость взглядов Хайдеггера к идеологии нацизма. Причём восприятие было настолько различным, что один из переводчиков предлагал считать другой перевод всего лишь переложением [Мионов, Миронова, 2016: 21-38]. С точки зрения чистого языкового перевода – они оба хороши и передают смысл, но, тем не менее, по-разному.

В связи с последним невозможно не затронуть ещё одну тему, важную для философии и философов во все времена, в том числе и в нынешние, это проблема соотношения философии и власти. Мы последнее время много об этом пишем [Мионов, Миронова, 2016: 21-38; Мионов, 2018: 69-72; Мионов, Миронова, 2018: 149-182]. В каком-то смысле это связано и с моей собственной работой вот уже более 20 лет в должности декана. Понятно, что здесь говорить о власти можно лишь условно, но, тем не менее, властные полномочия здесь также присутствуют и они также находятся в центре моих внутренних рефлексий. Я часто повторяю фразу о том, что философ должен быть дистанцирован от власти. Не в том смысле, что мы не должны данную проблему обсуждать. Как раз, напротив, это необходимо, а в том смысле, что философская мысль не должна становиться проводником власти. Здесь возникают проблемы и даже крупные мыслители становятся заложниками власти. Она всегда их заставляет действовать по собственным правилам, которые могут очень далеко отстоять от истины и справедливости.

Это наглядно видно по судьбам таких величин, как Платон, Аристотель или Хайдеггер, но, думаю, список можно продолжать. Хайдеггер – крупнейший философ, может быть, самый крупный в своём столетии, но соблазн власти, может быть с целью реализации собственных философских идей, для него тоже оказался непреодоленным. И как только он стал ректором, он, пусть и на относительно короткий период, превратился в идео-

лога, хотя все время критиковал данный тип мировоззрения. За год ректорства он произнес порядка 15 публичных речей, преимущественно вовсе не рассчитанных на слушателей университета, то есть идеологических речей, которые обосновывали доминирующую в то время идеологию в Германии. При этом философы, что по-своему любопытно, как правило, выбирают, скажем так, мягко, вариант близости именно с сильной властью. Видимо, логика такого выбора связана с тем, что власть демократического типа является более трудной для проведения и реализации своих собственных идей, ибо она потребует дополнительно обоснования и согласования через демократические процедуры. А вот в тоталитарной системе этого делать вовсе не обязательно, достаточно просто властных полномочий. И кажется, поэтому, что через это можно реализовать, в том числе, самые гуманные идеи. На самом деле, все кончается поражением философа, который становится придатком политика.

Это, конечно, не означает, что философ, если мы опустимся на более низкие управленческие уровни, – обязательно плохой руководитель. Думаю, что это не так и для руководства некой системой философский подход вовсе не помеха. Более того, безусловно, что философски настроенный человек может, по крайней мере, попытаться избежать жестких решений, чего никогда не будет делать чистый менеджер. Для философа-руководителя главным остаётся ценность человека, а для менеджера – выживаемость системы любой ценой. Если ему завтра скажут, что мы должны оценивать качество публикаций по их весу в килограммах, он даже вздохнёт свободно, ибо это значительно упрощает управление, предлагая так просто реализуемые индикаторы. К сожалению, сегодня мы пустились в пугающий своими претензиями на универсальность управленческий менеджмент, который диктует в том числе и попытку выделения простых критериев оценки.

В знаменитом произведении Фазиля Искандера «Пирры Валтасара» описыва-

ется пирушка, на которой сидит Сталин, а все присутствующие его хвалят. И когда один из самых близких к нему людей начинает произносить тост, Сталин про себя думает, что этого человека, который так много о нём знает, следует убрать в первую очередь. Ситуация власти такова, что люди, ею обладающие, как правило, несчастны. Совершенно ясно, они вынуждены подчинять свою личность законам власти, у них не может быть настоящих друзей, потому что те неизбежно их предадут. Вопрос в том, насколько это возможно минимизировать. С другой стороны, руководителя любой структуры всегда достаточно легко обвинить, поскольку он исполняет определённые функции, а функции в целом могут быть неверными.

Однако уходить от власти сегодня – это уходить от ответственности. В том числе, ответственности, связанной с системой науки и образования. Ведь не секрет, что сегодня имеют место попытки изъять философию из федеральных образовательных стандартов. Часто в качестве аргумента весьма незатейливым образом используют тот якобы факт, что ведь на Западе философии нет в высшей системе образования. Это не совсем и не везде так. Например, в ряде земель Германии философия является обязательной дисциплиной в школе, причём в гимназических классах, наряду с этикой (или религией, по выбору). Возраст гимназистов – это возраст наших студентов младших курсов, то есть даже здесь есть совпадение.

У нас же в школе, как мы уже сказали, философия по сути полностью отсутствует. Поэтому философия в высшем образовании нужна, но вот действительно весьма актуальным остаётся вопрос о том, как её преподавать, дабы не свести к ужасному курсу университетской философии по единому стандарту. Нет ничего более страшного для обучения философии, чем некие стандарты. Философия является прежде всего свободным мышлением, поэтому стандарт, в лучшем случае, может лишь оговорить объём часов и систему отчётностей, и, конечно, профессиональ-

ные требования к преподавателю. А вот далее можно представить свободу доведения философских идей до студентов.

Поэтому мы должны противостоять тенденциям ликвидации философии, попыткам её замены иными дисциплинами «мировоззренческого» плана. Следует признать, что сегодня это труднее делать, чем в так часто негативно упоминаемые 90-е годы. В те времена мы имели возможность обратиться во властные структуры, но главное, на это была реакция (у меня было несколько открытых писем министру, которые имели действие). Сегодня такое ощущение, что экспертного сообщества нет вообще, а министерство по стратегическим вопросам развития образования особо с нами общаться не желает. Исходя из сказанного, задача философов, работающих в качестве администраторов системы образования, сегодня состоит в том, чтобы публично обращаться к ответственным лицам, ни в коем случае не дистанцироваться от власти. Необходимо изначально использовать все легальные механизмы для достижения своей цели – сохранения и развития лучших традиций отечественного образования и науки.

В сегодняшних условиях рыночной экономики, где медицина и образование стали сферой услуг, многие неприглядные процессы прикрываются красивым словом «инновации». На самом деле, именно гумбольдтовская модель университета как раз и была самой инновационной и многие её принципы отнюдь не устарели. Она была основана на автономии университета, означавшей (здесь следует оценить степень моральной позиции), что государство доверяет университету. Оно даёт университету деньги, субсидирует его, ни о чём не беспокоится, подразумевая, что данный вклад денег в автономный и демократичный университет окажется эффективным. Характерно, что в истории почти нет случаев, когда бы это не срабатывало. То есть, будучи автономным и даже подвергая критике те или иные позиции государства, университет работал именно на развитие этого государства.

Повторюсь, гумбольдтовская модель инновационная ещё и потому, что один тот же человек на кафедре – преподаватель, а в лаборатории – учёный, передающий свои научные взгляды учащимся. Нынешняя же трактовка инновационного или исследовательского университета основана на так называемой «грантовой логике»: утром деньги, вечером стулья. Однако такой подход не работает в фундаментальной науке! Физики могут десять лет «чай пить» (если смотреть на их научные дискуссии глазами обывателя), а потом совершат открытие, которое всё окупит, и не только выпитый чай.

Именно поэтому в университете должна быть достаточно большая свобода как преподавателя и учёного, так и студента. Гранты могут быть дополнением к хорошему бюджетному финансированию научных исследований в фундаментальной науке, на основании которой только и могут возникнуть настоящие технологии. Исследовательская же модель университета – технологическая, являющаяся ответом на запросы рынка. Отсюда и сомнительные критерии оценки. В подобной модели преподаватель становится, по К. Марксу, наёмным рабочим. Поскольку от него требуют эффективности, он должен работать более интенсивно; а результаты его изысканий должны реализовываться на практике, то есть очень быстро окупаться. К сожалению, мы активно идём по этому пути.

Надо сказать, что наш Московский государственный университет старается сохранять значительную автономию. Виктор Антонович Садовничий никогда не отказывался от курса на фундаментальное образование в качестве ключа к реальным инновациям. Более того, рискну предположить, что в обозримой перспективе тенденции усиления автономности усилятся. И хотя нельзя сказать, что сегодня у МГУ полная автономия (формально её сегодня меньше, чем семь-восемь лет назад), но зато, поскольку университет получает хорошие государственные субсидии, факультет оказывается свободным в принятии решения их использования на благо университета, в том числе.

Совсем другое дело, когда создаются новые университеты – и сразу претендуют на статус лучших. Хочется сказать им: поработайте хотя бы лет пятьдесят, тогда будет видно. Ведь даже сегодня, один из лучших исследовательских университетов Высшая Школа Экономики пока ещё в кадровом отношении опирается на преподавателей, которые были подготовлены не ими, а другими университетами. Думаю, что большинство из них питомцы МГУ, как и его нынешний руководитель. Вот когда они начнут репродуцировать собственных преподавателей, тогда можно сказать, что университет состоялся. Но, к сожалению, здесь их будут поджидать те же проблемы, с которыми сталкиваются классические университеты. Но это пример сильнее нового университета, а что уж там говорить о массе университетов, которые вчера были чуть ли не техникумами среднего уровня. Такое сверхизобилие университетов не может не размывать систему высшего образования. При этом нет сомнений, что в стране должны быть разные университеты.

Ещё одной проблемой отечественного образования (и головной болью для преподавателей) является ЕГЭ [Миронов, 2016: 1-9]. И дело здесь не в самой форме экзамена, а в том, что она не была реально экспериментально апробирована и в масштабах такой большой страны, со столь разными региональными подходами к образованию, не является объективной формой, тем более в качестве единственной, для отбора абитуриентов в вузы. В какие-то вузы вообще можно отбирать людей по росту или весу. Это не принципиально. Но должны быть вузы, ведущие вузы и их не может быть много, может быть, не более 10 на всю страну, где формы отбора устанавливаются сами этими университетами. Среди них, кстати говоря, и Высшая Школа Экономики, находящаяся сегодня на высоком уровне, а также университеты Петербурга, Москвы, Екатеринбурга. Более того, у них не должно быть никаких «общих» стандартов, потому что их программы должны зависеть от конкретного препода-

вательского состава, наличия (или отсутствия) в этом составе ведущих в своей области учёных.

К сожалению, такого в России, в отличие от США, пока нет. Нам длительное время навязывают идею о том, что ЕГЭ – это мировой опыт. Однако это далеко не так. В мировой практике мало стран, где только один общий экзамен или система экзаменов является условием поступления. Если обратиться к опыту, например, Германии, а нам об этом почему-то говорят меньше, настаивая на примате англосаксонской модели, хотя мы исторически ближе именно к немецкой модели, по которой и строилось наше образование, в том числе советское, то мы увидим что там и речи не может идти о чём-то подобным ЕГЭ. Люди записываются в университеты вообще без экзаменов. Но достигается это за счёт того, что в гимназические классы, которые дают ту самую «абитуру» (соответствующую форму нашего аттестата), проходят лишь чуть более 30 процентов от числа школьников.

То есть отбор ведётся уже внутри школы. И кроме этого, у абитуриента должны быть высшие показатели по дисциплинам профильных для вуза, выбранного абитуриентом, специальностям. Главный минус ЕГЭ в том, что он разрушил мотивированность учащихся. Раньше человек учился в школе, подходил к старшим классам, постепенно выбирал какую-то специальность и осознанно шёл, например, на философский, юридический, на мехмат и т.д. Сегодня такой человек записывается на пять специальностей сразу. До введения ограничений у нас был рекорд: девочка записалась сразу на тридцать факультетов – от математики до философии. ЕГЭ деформировал обучение в старших классах школы, так как вместо системы знаний, последние годы посвящены часто прямому натаскиванию на ЕГЭ. Поэтому в университет сегодня приходят ребята, которые сильно отличаются от своих «до-ЕГЭшных» сверстников по многим параметрам.

Обозначу ещё несколько проблем, связанных с вузовским образованием в целом и философским образованием в

частности. Прежде всего, возникает вопрос дифференциации абитуриентов. Необходимо, наряду с общим преподаванием, выстраивать индивидуальные траектории. Зачем студенту тратить время на изучение языка, если он его прекрасно знает? Необходимо освободить его от этих занятий, дать возможность вместо этого заниматься другим предметом или изучать другой язык. В отечественной системе стандартов не хватает гибких подходов, поэтому студент, хорошо знающий французский язык, например, может получить тройку за то, что не сдал домашнее чтение. И здесь с самого начала должна повыситься роль научного руководителя или индивидуального куратора, который модифицировал бы программу студента, сообразуясь с потребностями и возможностями, а также со здравым смыслом. К слову, в МГУ индивидуальная работа существовала всегда. Однако сегодня она должна стать более существенной составляющей образовательного процесса.

Вторая проблема связана с перегруженностью наших учебных планов. Зачем в учебном плане физкультура? Этот предмет вполне может идти в качестве дополнительной нагрузки, которую студент осваивает самостоятельно, предоставляя в деканат справки о посещении фитнес центров или других спортивных учреждений, куда многие ребята и так ходят в соответствии со своими интересами и возможностями. Было бы очень разумно централизованно определить основные компоненты учебного плана или стандарта, но при этом дать более широкую возможность ведущим вузам формировать собственные учебные планы согласно их специфике. Ректор МГУ когда-то отмечал, что если бы в советское время были такие жёсткие стандарты, то различия между ленинградской школой математики и московской не было бы.

Следующая проблема касается социокультурной среды, которую застают очередные поколения студентов, причём речь идёт о среде в самом широком смысле. Так, говоря о современной ситуации, невозможно обойти стороной процес-

сы глобализации. Если воспользоваться широко известной метафорой, то не случайно Бог не допустил строительства Вавилонской башни. Этот образ очень хорош, поскольку он показывает: системой гораздо легче управлять, когда она однородна, но такая система не годится для человека как человека. Один язык, одна культура, желательно все одного роста, чтобы одежду легко было шить... Этого, к счастью, нет и не будет. Однако глобализация есть. Причём глобализация – процесс, не Богом спущенный или выдуманный некими злонамеренными теоретиками. Хотя человеческий фактор здесь явно присутствует, поскольку глобализация предстаёт прежде всего как процесс навязывания ценностной системы со стороны доминирующей страны-лидера. И это объективно, ибо, например, США являются лидером в технологиях и, соответственно, неизбежно будут пытаться доминировать в остальном. В этом суть глобализации.

Сегодня имеют место попытки навязать глобализацию Европе, которая, в свою очередь, является достаточно «странным» сооружением с позиции оголтелых глобалистов. Тут почему-то разные национальности, они имеют свои особенности, привычки и пристрастия. Швед отличается от грека и не только по росту. Каждая страна имеет систему собственных культурных ценностей. Зачем всё это, говорят нам глобалисты. Что даёт ваша культуры, говорят американцы, если она породила столько войн, а у нас их уже давно нет. Давайте сделаем всё одинаковым, но как у нас: перестраивайте ваше право, перестраивайте вашу культуру, а также свои понятия толерантности и прочее. И следуйте по пути, который вам предписывают. Конечно, с моей точки зрения, такой модели подчиняться нельзя. Одну из статей я посвятил глобализации и деформации международного права [Мионов, 2016: 1-9].

Ведь право вытекает из самой культуры, народ вырабатывает систему права, граждане внутри страны за неё голосуют, а потом им говорят, что с точки зрения международного права они не-

правы. Понятно, что Гитлера нельзя было осудить немецким судом, ведь он ничего не нарушал, как и Вышинский. Здесь требовалось международное право, и это вполне оправданно. Но когда международное право распространяется на частную жизнь человека, который не нарушает собственного права своей страны, это, по крайней мере, спорно и требует иного типа регуляции. Когда национальное право деформируется, начинается диктат международного права. А оно, как я уже сказал, не спущено Богом, а придумано чиновниками по модели права доминирующего лидера глобализации.

Что касается единой Европы, как мне кажется, в своё время было их огромной ошибкой, когда нашу страну не включили в состав ЕС. Понятно, что это не устраивало очень многих, ибо в этом случае ЕС стал бы равноправным полюсом мирового порядка, чего, конечно, некоторым странам не хотелось. Поэтому, хотя с этим многие могут не согласиться, нынешняя изоляция России – это прежде всего изоляция Европы, как самостоятельного

субъекта, так как без России Европа не может быть полюсом, равноправным по значению США. Хотя мы должны понимать, что изоляция всегда чревата многими неприятными последствиями, в том числе и идеологического толка. Как мы из неё будем выходить, пока не очень понятно.

Проблемы невозможно рассматривать в отрыве от других значимых и актуальных общественных проблем, например, эйфории, которая ныне охватила, наверное, всех, по поводу цифровизации. Например, цифровизация как масштабная управленческая технология – может открыть путь к глобальному тоталитаризму. Однако в тоталитарном мире неизбежно возникает другая проблема: если система слишком упростится, то она может оказаться недостаточно гибкой для решения сложных проблем, в том числе таких, как проблемы конкретных людей, или общества в целом. Поэтому мой оптимизм в этом отношении весьма сдержанный.

Список литературы:

- Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2016. 448 с.
- Аристофан. Облака // БВЛ. Том 5. Античная драма. М.: Художественная литература, 1970. 768 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Бибихин В.В. Дело Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. 253 с.
- Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб.: Издание Д.Е. Жуковского. 1904. 374 с.
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб.: Наука. 1993. 480 с.
- Гурина М. Философия. М.: Республика 1998. 540 с.
- Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука. 1980. 712 с.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть I. Петроград. Четвертая Государственная Типография, Фонтанка у Чернышева моста. 1918. 464 с.
- Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II вв. н.э. М.: Изд-во МГУ, 1979. – 416 с.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: «Гнозис». Издательская группа «Прогресс». 1992. 272 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1955. 699 с.
- Миронов В.В. Власть как предмет философской рефлексии // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 69-72.
- Миронов В.В. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 2. С. 1-9.

Миронов В.В. Размышления о реформе российского образования: Доклад на международной научной конференции «Философия и образование в процессе трансформации культуры», посвящённой 70-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ имени М.В. Ломоносова. 2-е изд., стереотип. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 64 с.

Миронов В.В., Миронова Д. Ein Knabe, der träumt, или Опьянение властью // Логос. 2018. Т. 28. № 3. С. 149-182.

Миронов В.В., Миронова Д. Философия и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии 2016. № 7. С. 21-38.

Штарк Ф. Волшебный мир немецкого языка. М.: Издательство Моск.ун-та. 1996. 240 с.

Об авторе:

Миронов Владимир Васильевич – член-корреспондент РАН, д.филос.н., профессор, декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой онтологии и теории познания. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: vlamironov@yandex.ru.

“MY OPTIMISM IS KEPT”: ABOUT PHILOSOPHY, EDUCATION AND MAN IN THE MODERN RUSSIAN CULTURE

V.V. Mironov

Abstracts. *The article was based on the conversation of the deputy editor-in-chief of Concept magazine, the head of the philosophy department of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor M.V. Silantyev with the dean of the Faculty of Philosophy of Moscow State University. M.V. Lomonosov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy V.V. Mironov.*

The problems that define the vector of innovations in the field of education today are connected not only with globalization and its many consequences, including unification, digitalization and a general decline in the prestige of education in popular culture, including attempts to discredit the Humboldt model of the university, which is the most innovative today. No less important for the Russian education are its “internal” problems. Among them - the destruction of students’ motivation as one of the results of the Unified State Exam, a consistent reduction in the share of the humanitarian component in the classroom load, as well as an overloaded curriculum due to the absence of a system of individual educational tracks.

The search for ways and means to solve these problems requires, among other things, an analytical consideration of the place and role of philosophy in the modern system of Russian science and education. That, in turn, implies a clarification of the possibilities and limits of philosophical knowledge (and knowledge as such) in relation to the demands of modern society. In this regard, it is appropriate to refer to the idea of I. Kant on the division of philosophy into two main types: “scholarly philosophy” and philosophy in the broad sense of the word. The first involves the systematic introduction of a person to the theoretical culture at the level of pre-university training (as it’s done in several European countries, for example in Germany and France), involves taking into account the “problems of translation” and the formation of ideas about the relationship between national and world science. The second “variety” of philosophy can be described as a timeless semantic space, the “realm of meaning.” Its ontologization at the time provided a deep connection between philosophy and science, approving the thesis about the possible existence of a law that pervades nature and allows using revelation to reveal the unchanging in the changeable. Accordingly, for the study of the second type of philosophy, “schooling” is not suitable.

All this becomes especially important in the practice of teaching philosophy in the system of higher education. Here it is necessary to take into account that philosophy is a dual form of consciousness, which relies both on rational-theoretical components - a vector directed to science, and on value-emotional, associated with other ways of comprehending being, besides the scientific - art, religion, etc. In this sense, philosophy is the central discipline that influences the formation of a person's worldview. Therefore, it must be present in the higher education system, if we set this task, and no other discipline can fill its place.

Key words: *philosophy, culture, education, science, university, globalization, digitalization, management.*

References:

Aristotelis *Metaphysica* / Ed. Werner Jaeger. Oxford Classical Texts. Oxford University Press, 1957. 336 p. (In Greek). (Russ. ed.: Aristotel'. *Metafizika*. Moscow, Èksmo, 2016. 448 p.).

Aristophanes. *Clouds* / Edited with translation and notes by Alan H. Sommerstein. Aris [and] Phillips Warminster, 1982. 232 p. (In Greek). (Russ. ed.: Aristofan. Oblaka. *Biblioteka vsemirnoi literatury. Tom 5. Antichnaia drama*. Moscow, Fiction, 1970. 768 p.).

Bakhtin M.M. *Èstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Art, 1986. 445 p. (In Russian).

Bibikhin V.V. Delo Khaideggera [The Case of Heidegger]. *Filosofiiia Martina Khaideggera i sovremennost'* [Martin Heidegger's Philosophy and the Present]. Moscow, Science, 1991. 253 p. (In Russian).

Windelband W. *Präludien. Aufsätze und Reden zur Einleitung in die Philosophie*. 3. Auflage. Tübingen, Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1907. 463 s. (In German). (Russ. ed.: Vindel'band V. *Preludii. Filosofskie stat'i i rechi*. Saint-Petersburg, Edition D.E. Zhukovsky, 1904. 374 p.).

Hegel G.W.F. *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Erster Teil. Werke in zwanzig Bänden. Band 18*. Frankfurt am Main, 1979 (In German). (Russ. ed.: Gegel' G.V.F. *Lektsii po istorii filosofii*. Kniga pervaiia. Saint-Petersburg, Science, 1993. 480 p.).

Gurina M. *Filosofiiia* [Philosophy]. Moscow, Republic, 1998. 540 p. (In Russian).

Kant I. *Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters]. Moscow, Science, 1980. 712 p. (In Russian).

Kliuchevskii V.O. *Kurs russkoi istorii. Chast' I* [The course of Russian history. Part I]. Petrograd, The Fourth State printing House, Fontanka at Chernyshev bridge, 1918. 464 p. (In Russian).

Losev A.F. *Ellinisticheski-rimskaia estetika I-II vv. n.e.* [Hellenistic-Roman aesthetics I-II centuries AD]. Moscow, MSU Publishing House, 1979. 416 p. (In Russian).

Lotman Iu.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, «Gnozis», Publishing group «Progress», 1992. 272 p. (In Russian).

Marks K., Engel's F. *Sochineniia. T. 1. - Izd.2-e* [Works. Vol. 1. 2nd Ed.]. Moscow, Publishing House of political literature, 1955. 699 p. (In Russian).

Mironov V.V. *Vlast' kak predmet filosofskoi refleksii* [Power as a subject of philosophical reflection]. *Voprosy filosofii - Questions of Philosophy*, 2018, no. 12, pp. 69-72 (In Russian).

Mironov V.V. Transformatsiia ekonomiki, politiki i prava v usloviakh globalizatsii [Transformation of economics, politics and law in the context of globalization]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk - Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2016, Vol. 86, no. 2, pp. 1-9 (In Russian).

Mironov V.V. *Razmyshleniia o reforme rossiiskogo obrazovaniia: Doklad na mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Filosofiiia i obrazovanie v protsesse transformatsii kul'tury», posviashchënnoi 70-letiiu vossozdaniia filosofskogo fakul'teta v strukture MGU imeni M.V. Lomonosova. - 2 izd., stereotip.* [Reflections on the reform of Russian education: A report at the international scientific conference «Philosophy and Education in the Process of Culture Transformation» dedicated to the 70th anniversary of the re-establishment of the Faculty of Philosophy in the structure of the Lomonosov Moscow State University. - 2nd ed., stereotype]. Moscow, Center for strategic conjuncture, 2014. 64 p. (In Russian).

Mironov V.V., Mironova D. Ein Knabe, der träumt, ili Op'ianenie vlast'iu [Ein Knabe, der träumt, or Power Intoxication]. *Logos - Logos*, 2018, Vol. 28, no. 3, pp. 149-182 (In Russian).

Mironov V.V., Mironova D. *Filosofii i vlast': sluchai Khaideggera* [Philosophy and Power: the Case of Heidegger]. *Voprosy filosofii - Questions of Philosophy*, 2016, no. 7, pp. 21-38 (In Russian).

Shtark F. *Volshebnyi mir nemetskogo iazyka* [The Magic World of German]. Moscow, MSU Publishing House, 1996. 240 p. (In Russian).

About the Author:

Vladimir V. Mironov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Moscow State University named after M.V. Lomonosov.
E-mail: vlamironov@yandex.ru.